

оригинальная статья

Методика исследования мотива в художественном тексте

Грунина Людмила Петровна
 Кемеровский государственный медицинский университет,
 Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0002-5643-7557>
lpgrunina@mail.ru

Салтымакова Ольга Анатольевна
 Кузбасский государственный технический университет
 имени Т. Ф. Горбачева, Россия, Кемерово
<https://orcid.org/0000-0003-1761-2735>

Поступила в редакцию 18.10.2022. Принята после рецензирования 27.12.2022. Принята в печать 23.01.2023.

Аннотация: Многие понятия, которые традиционно используются при анализе текстов художественной литературы, остаются неоднозначными. Цель исследования – уточнить понимание мотива как одной из центральных категорий художественной речи в аспекте установления системы параметров для анализа текстового материала. В статье акцентируется внимание на разных подходах к определению прагматического содержания мотива; отмечается неоднозначность осмысления понятия *мотив* как в справочной литературе, так и в исследовательских работах; предлагается дефиниция мотива, учитывающая его лингвостилистический статус. Научная новизна заключается в осмыслении принципиальных различий литературоведческого и лингвостилистического подходов к анализу мотива; в обосновании выделения мотива – сценарного действия и мотива-идеологемы как понятий, определяющих перспективу исследования мотива. В результате изучения интерпретации мотивов, представленных в современных исследованиях, а также на основе свойств художественного текста как языковой и речевой единицы формируется комплекс опорных параметров, значимых для процедуры анализа мотива. В соответствии с предложенной в статье методикой показан лингвостилистический анализ мотивов *красота природы* и *время суток* на примере повести «Майская ночь, или утопленница» Н. В. Гоголя. Сделан вывод, что объективной основой для определения содержания и функции того или иного мотива является детальный анализ его вербализации в тексте.

Ключевые слова: мотив, художественная речь, лингвостилистический анализ, мотивный анализ, филологический анализ, текстовая лексико-семантическая группа

Цитирование: Грунина Л. П., Салтымакова О. А. Методика исследования мотива в художественном тексте. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 1. С. 119–127. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-119-127>

full article

Motif in Fiction: A New Research Methodology

Liudmila P. Grunina
 Kemerovo State Medical University, Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0002-5643-7557>
lpgrunina@mail.ru

Olga A. Saltymakova
 T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University,
 Russia, Kemerovo
<https://orcid.org/0000-0003-1761-2735>

Received 18 Oct 2022. Accepted after peer review 27 Dec 2022. Accepted for publication 23 Jan 2023.

Abstract: The article focuses on the understanding of the motif as one of the central categories of fiction and the key concept of text analysis. The article focuses on various approaches to the pragmatic content of the motif. A review of scientific publications revealed an ambiguity in its definition: *motif* can be interpreted as a scenario act or an ideologeme. The author believes that the objective basis for determining the content and function of a particular motif is a detailed analysis of its verbalization in the text. The article introduces the fundamental difference between literary and linguo-stylistic approaches to the motif analysis. The author proposes a definition based on the linguo-stylistic status of the motif and a set of reference parameters, which is exemplified by a linguo-stylistic analysis of the motifs of *beauty of nature* and *time of day* in N. V. Gogol's *May Night, or the Drowned Woman*.

Keywords: motif, artistic speech, linguo-stylistic analysis, motif analysis, philological analysis, textual lexico-semantic group

Citation: Grunina L. P., Saltymakova O. A. Motif in Fiction: A New Research Methodology. *SibScript*, 2023, 25(1): 119–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-1-119-127>

Введение

Интегративный характер филологического знания отмечали многие исследователи. Особенно это касается такого объекта, как художественный текст (ХТ), представляющего сложную по организации систему, т. к. в отличие от других текстов это творчески оформленный человеческий опыт, обращенный к миру. Поэтому внимание к форме и содержанию текста в их взаимной обусловленности можно признать основным принципом подхода к анализу художественного произведения. Взаимодействие литературоведческого и лингвистического подходов к ХТ проявилось в обозначении метода его анализа – челночный (А. Ю. Максимов), циклический, когда исследователь постоянно переходит от содержания к форме и обратно, изначально отдавая предпочтение последней (В. А. Лукин).

Внимание в лингвистической теории, лингвопоэтике и лингвистике к текстообразующим категориям и приемам, обладающим содержательной и структурной значимостью, не иссякает ввиду того, что многие понятия, которые традиционно используются при анализе текстов художественной литературы и в изучении которых литературоведческими направлениями науки достигнуты несомненные результаты, остаются неоднозначными.

Так, в вводной статье Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы не без оснований авторы отмечают, что «слишком спорны до сих пор все положения, связанные с понятиями сюжета, мотива, фабулы, несмотря на обилие специальной литературы»¹. Объяснить это можно тем, что семантические, композиционные и стилистические аспекты организации ХТ в плане их мотивной организации не до конца прояснены с точки зрения и самого механизма формирования мотива, и характера его вербализации, и взаимодействия мотивов с сюжетом и речевой композицией.

Мотив можно считать интегративной текстовой категорией, имеющей богатую историю изучения в литературоведении (см. работы А. Н. Веселовского, Б. В. Томашевского, В. Б. Шкловского, В. Я. Проппа, О. М. Фрейденаберг, А. П. Скафтымова, Б. Н. Путилова, Е. М. Мелетинского, Б. М. Гаспарова, В. И. Тютю, И. В. Силантьева, Л. В. Гармаш и др.), однако отметим, что в работах литературоведческого направления, к сожалению, не представлен традиционно сформированный лингвистический аппарат исследования языкового материала, что способствовало бы более точному и обоснованному анализу мотива в конкретном ХТ. Кроме того, в связи с активизацией внимания исследователей на изучении

концептуальной картины мира писателя как выражении его интенции в текстовом воплощении закономерными видятся попытки определить соотношение таких коррелирующих понятий, как художественный концепт, повествовательный мотив, текстовая доминанта, семантическое поле, тематическое единство, образ и др. [Бревнова 2010; Волкова 2008; Дубовицкая 2021; Никашина 2008], поскольку, с одной стороны, существует взаимосвязь каждого из этих понятий как друг с другом, так и с сюжетно-композиционным уровнем ХТ, а с другой – наблюдается их недифференцированное употребление. Поэтому важен комплексный подход (сочетающий как литературоведческий, так и собственно лингвистический аспект) описания того или иного мотива, который вновь заставляет обратиться к процедурным особенностям лингвистического анализа, что позволит в перспективе уточнить характер взаимосвязи отмеченных выше коррелирующих понятий, т. к. она имеет определенную значимость в процедурном отношении. Этим и объясняется актуальность обращения к вопросам, связанным с содержанием понятия *мотив* и методикой его анализа.

Методы и материалы

Использованы приемы аналитического описания, сопоставительного, компонентного и контекстологического анализа. Для определения характера интерпретирующего поля мотива и определения собственных теоретических положений материалом явились некоторые академические издания, а также исследования, посвященные анализу мотивов на примерах конкретных ХТ. Текст «Майская ночь, или утопленница» Н. В. Гоголя использовался с целью представления процедуры лингвистического анализа двух мотивов. Теоретической базой послужили работы ведущих литературоведов и лингвистов, заложивших теоретический и практический фундамент мотивного анализа [Гармаш 2014; Гаспаров 1993; Дьмарский 2006; Миллер 2003; Реформатский 2001; Силантьев 2004], и справочная академическая литература².

Теоретические основы

Являясь «одной из наиболее пластичных форм художественного моделирования» [Русанова 2006: 120–121] и разнообразных по форме бытования категорий художественного текста [Гармаш 2014: 11], мотив как основная единица повествования в процедурном отношении, несомненно, требует комплексного подхода. Семантическая сложность

¹ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: экспериментальное издание, отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск: СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 3.

² Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. 2005. URL: <http://grammar.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 16.02.2023); Большой энциклопедический словарь, гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Сов. энцикл., СПб.: Ленингр. галерея, 1993. 1632 с.; Литературная энциклопедия, гл. ред. А. В. Луначарский. М.: ОГИЗ РСФСР; Сов. энцикл., 1934. Т. 7. 888 стб.; Литературный энциклопедический словарь, под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 752 с.; Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы... Вып. 1. 243 с.

этой категории в ее связях и отношениях, представляющих структуру повествования художественных текстов, объясняется семиотической природой мотива, где особенно значим прагматический компонент, всегда вызывающий сложности при выявлении и трактовании.

Заслуживают внимания различные определения мотива в справочной литературе, т. к. до сих пор отсутствуют терминологическая ясность и единая целостная концепция мотива в аспекте выделения ведущих принципов данной категории. Согласимся с составителями Литературного энциклопедического словаря в следующем: «Современное понимание мотива не обладает четкой теоретической определенностью, что ведет не только к расширительному употреблению термина, но и к его размыванию»³. Мы добавили бы, что наблюдается некоторое упрощение понимания мотива, например, в Словаре литературоведческих терминов мотив рассматривается лишь как явление фольклора: «В произведениях устного народного творчества: мельчайший элемент сюжета, простейший значимый компонент повествования»⁴, в Большом энциклопедическом словаре мотив определяется как «простейшая динамическая смысловая единица повествования в мифе и сказке»; «мельчайшая единица действия в повествовательном тексте»⁵.

Обратим внимание на такие характеристики мотива, приведенные в названной словарно-справочной литературе, как мельчайшая единица (элемент), простейшая единица (компонент). Такое определение мотива, с одной стороны, обусловлено связью происхождения термина с музыкальной традицией, а с другой – пониманием мотива в 1930–1940-е гг. западными и отечественными литературоведами как «неразложимого далее элемента содержания»⁶.

В литературоведческих работах термин *мотив* обычно используется как устоявшееся понятие, не требующее объяснения его терминологического значения. Однако, хотя литературоведы принимают утверждение А. Н. Веселовского о том, что сюжет представляет собой сумму мотивов [Веселовский 2017], как аксиому, неясно, как мотив, будучи лишь компонентом сюжета, связан со смысловым развитием и имплицитным уровнем ХТ. Кроме того, отмеченные характеристики исключают возможность анализа структуры мотива, его устройства, организации, формирования в тексте художественного произведения.

Отметим еще одно важное положение: утверждение, что мотив является исключительно сюжетным элементом текста, на наш взгляд, обедняет это понятие и остается пока неподтвержденным.

В качестве системы комплекса аспектов, необходимых для процедуры мотивного анализа классических форм повествовательной традиции, И. В. Силантьев, опираясь на работы ведущих лингвистов в области лексической семантики (И. В. Стернина, М. В. Никитина, В. В. Налимова), предлагает вероятностную модель семантики мотива, которая учитывает семантику (денотативный компонент номинанта), синтактику (окружение анализируемого текстового события) и прагматику (сюжетный смысл события) [Силантьев 2004].

Например, определяя особенности мотива встречи в романе «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина, И. В. Силантьев отмечает незапланированный и неожиданный характер встреч в произведении, что «говорит о глубоко авантюрном характере повествования» [Силантьев 2004: 149]. Это позволило исследователю так сформулировать смысл мотива встречи: жизнь Ибрагима в петровской России складывается как его судьба. С точки зрения идейно-тематического уровня, на уровне авторского замысла, на наш взгляд, имеет место мотив судьбы, который раскрывается через вариант сюжетного события *встреча*.

Семантика мотива имеет нежесткий характер, при этом следует отметить специфику воплощения в зависимости от рода литературного текста: лирики, эпоса, драмы. Однако принципиальным является дифференциация таких явлений, как сюжетный ход (обозначение сценарного действия) и тематическая модальность (авторское осмысление темы).

Считаем возможным различать два значения понятия:

- 1) мотив как сюжетный ход, определяющий художественную ситуацию (мотив сюжетно-фабульного уровня);
- 2) мотив как авторская интенция, авторская «палитра» определенной темы (мотив-идеологема) – исследователь в большей степени связан с лингвистическим анализом, т. к. данный аспект предполагает погружение в изучение лексического уровня произведения.

Конечно, эти понятия взаимообусловлены, т. к. слово как значимый элемент в системе художественного целого обладает семантической и композиционно-структурной определенностью, выражая и отражая эстетическую сущность целого. Однако каждое отмеченное явление мотива имеет специфику, и по-разному проявляется их взаимосвязь в произведении, что предопределено авторским замыслом. Выявление взаимосвязи мотива как сценарного хода и мотива-идеологема, которая, как правило, определяет мотивную организацию ХТ, не входило в задачи настоящей статьи и оставлено на перспективу исследования.

³ Незванкина А. К., Щемелёва А. М. Мотив. Литературный энциклопедический словарь ... С. 230.

⁴ Мотив. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов... URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0&page=1&wrd=%CC%CE%D2%C8%C2&bukv=%CC> (дата обращения: 16.02.2023).

⁵ Мотив. Большой энциклопедический словарь ... С. 844.

⁶ Stammerl R. Мотив. Литературная энциклопедия ... Стб. 518–519.

Учитывая вышесказанное, предложим рабочее определение: **мотив** – это семантически значимый компонент идейно-смыслового характера, актуализирующийся в текстовом пространстве различными языковыми средствами на парадигматическом и синтагматическом уровнях.

В дефиниции сделан акцент на парадигматике и синтагматике текстовой структуры, представляющих основные векторы организации смыслового пространства текста и способствующих интерпретации глубинного уровня произведения. К сожалению, их анализ, как правило, учитывается в литературоведческих работах лишь в небольшой доле.

Изучение интерпретации мотивов в современных исследованиях

С целью выявления компонентов интерпретирующего поля мотива обратим внимание на информацию, которая приводится исследователями-литературоведами при выявлении того или иного мотива: отсылки к биографическим сведениям о писателях и поэтах [Мишина, Даниловская 2021; Субботина 2015; Ходанен, Озерова 2008]; связь мотивов с литературными течениями и традициями [Василевич 2020; Исаев 2018; Субботина 2015]; наличие мотивов, присутствующих творчеству одного автора, в творчестве других поэтов и писателей [Берёзкина 2014; Исаев 2018; Мишина, Даниловская 2021]; связь между воплощением мотивов и социально-культурным фоном описываемой в художественном произведении эпохи [Ахриева 2014; Берёзкина 2014; Коптева 2015; Половнева 2017]; связь мотивной организации произведений с фольклорно-мифологическим началом [Берёзкина 2014; Ходанен, Озерова 2008]; реализация какого-либо мотива через совокупность других мотивов [Берёзкина 2014; Василевич 2020; Коптева 2015; Субботина 2015]; аспекты творчества, влияющие на моделирование мотивов: философские [Василевич 2020; Исаев 2018; Калашникова, Юнг 2021; Ходанен, Озерова 2008]; теологические [Исаев 2018; Мишина, Даниловская 2021; Субботина 2015; Ходанен, Озерова 2008]; символические [Калашникова, Юнг 2021; Половнева 2017; Субботина 2015; Ходанен, Озерова 2008].

Так, при анализе мотива дороги в лирике А. С. Пушкина исследователи отмечают, что «жизнь поэта располагала к тому, что он много путешествовал и получал массу новых впечатлений, делал много наблюдений. Важное место в пушкинских произведениях занимает описание станций, поездок, постепенно сформировавшее в его творчестве образ русской дороги» [Ходанен, Озерова 2008: 202]; при сравнительном описании мотива любви в произведениях М. Ю. Лермонтова и Д. В. Веневитинова – что «семантический ступок не может быть адекватно воспринят без учета... трагической истории несостоявшейся любви Вареньки Лопухиной и Лермонтова, губительной страсти юного Веневитинова к знаменитой московской

красавице Зинаиде Волконской» [Субботина 2015: 111]. В приведенных фрагментах мотивный анализ основывается на сведениях из жизни авторов.

Мотив на основе сопоставления его воплощения с традициями литературных течений описывается так: «именно так моделируется картина мира в прозе "новой волны" – т. е. беспросветное принуждение, сгибание героя под гнетом ужаса повседневности» [Василевич 2020: 54]; «на другом [полюсе] – любовь, жизненная активность, самоутверждение, причем второй полюс, в отличие от прозы "новой волны", представлен не менее ярко, чем первый, что свидетельствует о более оптимистичном мировосприятии молодого поколения писателей» [Василевич 2020: 55].

Раскрывая связь мотивной организации произведения с социально-культурным фоном эпохи, Е. П. Берёзкина отмечает: «Романы 1870–1880-х гг. "Василиса" Н. А. Арнольди, "Огонек" С. И. Смирновой, "Одна из многих" О. А. Шапир отразили сложные внутренние переживания героинь, метания между старым дворянским укладом и образом жизни и новыми демократическими стратегиями поведения. Мотив смерти, а точнее, самоубийства представлен во всех трех романах, подробнее остановимся на произведении О. А. Шапир "Одна из многих". Можно предположить, что полное самоотречение женщины от собственных интересов, растворение ее в делах семьи, отказ от реализации в общественной деятельности привел героиню к принятию решения о самоубийстве. Однако это не совсем так: главная героиня романа Ева Симборская пыталась изменить свою жизнь и стать полезной в общественно-политической деятельности» [Берёзкина 2014: 116].

М. В. Половнева в этом отношении пишет: «Подъем освободительного движения в России 50-х гг. XIX в. заставил художника пересмотреть свои взгляды на любовь. <...> тургеневские героини первыми признаются в своих чувствах, мучаясь сомнениями только до тех пор, пока сами себя не понимают, а осознав, что полюбили, без колебаний отдаются во власть этой любви. Почему так происходит? Не потому ли, что в их сознании уже сформировано некое подобие идеала, обусловленное изменениями в общественной жизни России 1850-х годов?» [Половнева 2017: 30–31].

И взаимосвязь мотивов, и фольклорно-мифологическое начало в них, и символический смысл событий отмечаются в следующем фрагменте: «В рассказе Шукшина "Осень" проявился архетипический смысл смерти, который складывается из мотива воды-реки и осенней переправы, туманной и дождливой погоды. События и впечатления одного дня передаются от лица паромщика Филиппа Тюрина. Символично соседствуют два события – с одного берега на другой вначале перевозят свадьбу – рождение новой семьи, утверждение жизни, а затем – гроб с покойником, выступающий констатацией смерти, что явственно свидетельствует о фольклорно-мифологическом начале» [Берёзкина 2020: 39].

Литературоведы при интерпретации художественного произведения преимущественно стремятся вписать его в более широкий исторический контекст, в связи с чем возникают отсылки в первую очередь к экстралингвистической (затекстовой) информации, а анализ языковой ткани произведения отсутствует или имеет спорадический характер, нередко и просто основан на интуиции. Поверхностное использование текстового материала при анализе мотивов рассчитано на подготовленного читателя, на по умолчанию «чуткого реципиента» [Коптева 2015: 151], что зачастую затрудняет понимание исследовательской точки зрения в интерпретации мотива или вызывает несогласие.

Обратимся к примеру из практики определения содержания мотива. Анализируя мотив смерти в поэтическом наследии Рюрика Ивнева, Г. Г. Исаев отмечает, что у поэта «он достигает наивысшей трагической кульминации в стихотворении "Панихида", где смерть – **желанное избавление от плена жизни**» (выделено нами – прим. авторов) [Исаев 2018: 81]. Далее приводятся два четверостишия:

*Друзья, пора домой, на палубу земли.
Там груди человеческого мяса,
И гильотина времени вдали
Нас ожидает, час казня за часом.
Усопший друг, Тебе легли на плечи
Смертельные холмы прозрачных ледников.
Здесь нет трагедии. Есть только смысл извечный
И смена дней, как смена лепестков.*

Проведем анализ языкового материала. В первом четверостишии мотив смерти представлен как эксплицитно (*груды человеческого мяса*), так и имплицитно номинантами-экспликаторами *гильотина времени – казнить – час за часом*, которые актуализируют смысл *время беспощадно движется вперед*, туда, где каждого ожидает «дом». Извечный смысл в том, что каждого ждет *палуба земли*. Поэтому во втором четверостишии актуализируется смысл естественного хода жизненных событий (*смена дней, как смена лепестков*), известная череда была до нас и будет после нас. Прямое отрицание трагедии такой жизненной закономерности актуализирует смысл естественного смиренного ожидания завершения жизни. В анализируемом фрагменте отсутствуют лексемы, подтверждающие смысл *желанность ухода и плен жизни*, поэтому авторская трактовка содержания мотива смерти как *желанное избавление от плена жизни*, на наш взгляд, не имеет мотивированного подтверждения.

Представленные рассуждения показывают произвольность интерпретации мотива, не подкрепленной лингвистическим анализом, что подтверждается и пониманием поэтики: «Поскольку все средства выражения в литературе в конечном счете сводятся к языку, поэтика может быть

определена и как наука о художественном использовании средств языка. Словесный (т. е. языковой) текст произведения является единственной материальной формой существования его содержания; по нему сознание читателей и исследователей реконструирует содержание произведения»⁷.

Необходимость фокусировать исследовательское внимание на анализе языковых средств отмечается в некоторых литературоведческих работах, в которых в последнее время появляется лингвистический анализ мотива, построенный на учете текстовых парадигм. О. Е. Фролова при изучении мотива смерти в повести «Котлован» А. П. Платонова вырабатывает методику анализа, которая заключается в лингвистическом доказательстве наличия такого мотива в тексте, описании средств его выражения и анализе активации значения слов-стимулов [Фролова 2017: 43]. Исследователь акцентирует внимание не на поэтике и стиле А. П. Платонова, а на авторском осмыслении и конструировании мотива, рассматривая мотивное устройство на сюжетном, модусном, дескриптивном и дискурсивном уровнях. В работе анализируются лексико-тематические группы, образуемые вокруг слов-стимулов *смерть* и *жизнь*, семантическое поле *смерть*, частотность употребления лексем, их значения в лексикографических источниках времени создания повести, сочетаемость и переосмысление в контексте. Автор убедительно представляет парадигматические и синтагматические связи при анализе устройства мотива.

Важно отметить следующее: лингвистический фокус, во-первых, позволяет признать разложимость, делимость мотива, а во-вторых, направлен на рассмотрение прежде всего самого мотива – его внутренней организации, языковых средств, образующих смысловое поле мотива и репрезентирующих его в повествовании; такой анализ позволяет сначала обосновать существование мотива в произведении, увидеть механизмы его формирования и взаимосвязь с другими мотивами, а затем выявить функцию мотива, его роль в выражении авторского замысла, который часто обусловлен и затекстовой информацией.

Лингвистический аспект анализа мотива как база для выявления его функций в произведении нацеливает на необходимость совершенствовать процедуру описания. Представим опорные вехи, определяющие методику анализа мотива (сразу оговоримся, что предлагаемый алгоритм анализа не является жестко закрепленным пошаговым руководством, однако может помочь исследователю сориентироваться в пространстве художественной речи и описать содержание конкретного мотива). В процедуре анализа внимание фокусируется на определении языковых средств, актуализирующих прагматический смысл художественного произведения и, соответственно, значимых для познания функционального предназначения мотива.

⁷ Гаспаров М. А. Поэтика. Литературный энциклопедический словарь... С. 295.

Результаты

Процедура анализа мотива:

1. Выявляются доминантные значения, формирующие мотив: частотность употребления отдельных единиц, сочетаемость, средства выразительности, стилистические приемы. Частотность и повторяемость значимы при выявлении ключевых единиц, однако в первую очередь важна их многозначность, семантическая сложность, которая позволяет «увязать» содержательный план текста с его концептуальным уровнем. Особое внимание обращается на сильные текстовые позиции: заглавие, начало и конец произведения, кульминационное событие; учитывается ассоциативно-смысловое поле. В итоге формируется лексико-семантическое поле мотива: ядерные лексемы, центр и периферия, на основе которых выводится номинант мотива.

2. Анализируется номинант мотива и текстовое тематическое поле, представляющее семантику данного номинанта. Для этого может применяться лексикографическое описание с целью выявления ведущих сем, образующих тематическое поле.

3. Описываются лексико-семантические группы, представляющие тематическое, а также ассоциативно-семантическое поле, что дает возможность в дальнейшем выявить ключевую парадигму.

4. Выделяется ключевой ряд, позволяющий интерпретировать функцию мотива с выходом на идейно-концептуальный уровень художественного произведения.

Покажем вариант процедуры анализа на примере мотивов *красота природы* и *время суток* в повести «Майская ночь, или утопленница» Н. В. Гоголя⁸. При обнаружении мотивов в языковой ткани повести учитывались повторяемость и частотность употребления лексем, их взаимосвязь (текстовая парадигматика), сочетаемость (текстовая синтагматика), образно-выразительные средства, например, синтаксический строй фраз, эмоционально-стилистическая окрашенность лексик, стилистические приемы (контраст, ирония). Ядерную зону текстового лексико-тематического поля (ТАТП) мотива *красота природы* представляют несколько текстовых лексико-семантических групп (ТАСГ), связанных с базовыми семами значения *красивый*: «1. Приятный на вид, отличающийся правильностью очертаний, гармонией красок, тонов, линий и т. п. 6. Рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление»⁹.

Рассмотрим несколько контекстов, представляющих природные фрагменты: 1. *Тихо отошел он от пруда и взглянул на дом* (с. 86). 2. *При свете месяца блистало лицо стоявшей*

перед ним девушки (с. 74). 3. *Огромный огненный месяц величественно стал в это время вырезываться из земли. Еще половина его была под землей, а уже весь мир исполнился какого-то торжественного света. Пруд тронулся искрами* (с. 70).

Лексемы *месяц* и *пруд* в приведенных фрагментах являются частью описания пейзажного фона повествования, при этом в первых двух контекстах они не раскрывают мотив *красоты природы*, а лишь номинируют денотат. В третьем контексте наблюдается «плотность» в выражении смысла *красоты природы*, что достигается использованием эпитета *огромный огненный*, а также предикативных групп *величественно стал вырезываться*, *тронулся искрами*. При анализе текста учитывались все пейзажные фрагменты, но для формирования ТАТП мотива принимались во внимание только те контексты, в которых эксплицированы семы *красоты*.

Ядерная зона мотивного поля *красота природы*¹⁰:

- ТАСГ 1 – пространство, природные объекты и явления: *берег, гора, роца, чаща леса, деревья, яблони* (2); *ветви вишен, вербы, ветви, зелень, мох* (2); *трава, цветы, воздух, туман* (2); *мир, даль, небо* (3); *земля* – «наш мир, шар, на котором мы живем»¹¹ (4); *вышина* (в значении *небо*), *месяц* (5); *звезды, пруд* (5); *водное зеркало* (метафорическое наименование пруда), *лес* (5).
- ТАСГ 2 – признаки пространства, природных объектов и явлений: *далекое, темное, роскошное, теплое украинское* (небо), *огромный, огненный* (месяц), *блеск* (месяца), *огненные* (звезды), *неподвижный* (пруд), *неподвижные* (воды пруда), *широкое* (водное зеркало), *темный, кленовый* (лес), *жалобные* (ветви), *темная* (зелень), *ночные* (цветы), *дикая* (трава), *кудрявые, цветущие* (яблони), *кудрявые* (ветви вишен), *ореховая* (роща), *глубокая* (чаща леса), *теплый ночной* (воздух), *серебряный* (туман).
- ТАСГ 3 – состояние, действия и признаки действий пространства, природных объектов и явлений:
 - *земля – прекрасна была земля в дивном серебряном блеске;*
 - *мир – весь мир исполнился какого-то торжественного света;*
 - *небо – необъятно синело;*
 - *месяц – величественно стал вырезываться, блистательно и чудно плыл в необъятных пустынях роскошного украинского неба, какое-то странное, упоительное сияние примешалось к блеску месяца;*

⁸ Гоголь Н. В. Избранное. Т. 1. Повести. М.: Прибой, 1994. 576 с. Далее по тексту в скобках приведены страницы, на которых расположены цитаты из повести «Майская ночь, или утопленница».

⁹ Красивый. *Большой толковый словарь русского языка*, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 466.

¹⁰ Далее в скобках указано количество употреблений.

¹¹ Земля. Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1: А–З. М.: РИПОЛ классик, 2006. С. 730.

- звезды – тускло реяли;
- пруд – угрюмо обставленный темным кленовым лесом и оплакиваемый вербами, держал в холодных объятиях, обсыпал ледяными поцелуями, тронулся искрами, подул свежестью, от пруда веял холод;
- лес – обнимая свою тень, бросал на него (дом) дикую мрачность, величественно и мрачно чернел;
- роща – стлалась, скатывалась;
- яблони – разрослись;
- туман – пал на окрестность.
- ТАСГ 4 – субъекты природы, их признаки и действия: *блистательный царь ночи (соловей), слышались только раскаты соловья, сильно и звучно перекликались блистательные песни соловьев, и когда они (соловьи), казалось, умирали в томлении и неге, слышался шелест и трещание кузнечиков или гудение болотной птицы, ударявшей скользким носом своим в широкое водное зеркало.*
- ТАСГ 5 – состояние природы: *все было тихо, сладкая тишина и раздолье, везде тишина, запах от цветущих яблонь и ночных цветов лился по всей земле, веял холод, все уснуло, торжественно дышало, все погрузилось в сон.*

Мотив красоты природы создает фон для развития событий и актуализируется в начале и конце повествования, а также в ключевом событии – встрече Левко во сне с панночкой у заброшенного дома. Парадигматические ряды эпитетов, характеризующих образы природных объектов, экспрессивно-эмоциональны (*роскошный, упоительный, блистательный, чудный* и др.), при этом доминантной эмоцией наблюдателя является восхищение – «высшая степень удовлетворения, удовольствия от чего-л.; восторг»¹², которое актуализирует сему *рассчитанный на эффект, на внешнее впечатление* значения лексемы *красивый*. Отмеченные языковые средства позволяют наблюдателю изобразить торжественную, роскошную, величественную природу, обширное пространство, прекрасный и грандиозный мир, наполненный разнообразными объектами.

Мотив красоты природы тесно переплетается в повести с мотивом *время суток*. Связь эксплицируется как через наименования конкретного времени суток (*ночь, вечер, сумерки, полночь*), так и через лексемы, называющие предметы и явления, свойственные ночи (*звезды, месяц*), и признаки, действия и состояния, характерные для ночного времени суток (*темный, ночной, мрачно, мрачность, тень, чернел*). Очевиден факт усиленного олицетворения пейзажных фрагментов: *Величественно и мрачно чернел кленовый лес, стоявший лицом к месяцу* (с. 85); *И задумавшийся вечер мечтательно обнимал синее небо, превращая все в неопределенность и даль* (с. 65); *Как бессильный старец, держал*

он (пруд) в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди теплого ночного воздуха (с. 65); *Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, божественная ночь, величественно догорала* (с. 91); *Месяц, остановившийся над его головою, показывал полночь; лес, обнимая свою тенью, бросал на него дикую мрачность* (с. 88).

В тексте не представлены лексемы *утро, день, полдень*, при этом мотив времени суток поддерживается сильной текстовой позицией – заглавной лексемой (*майская ночь*). В речевом плане наблюдателя подчеркивается не просто красота природы, а красота ночи. Анализ языковых средств позволяет зафиксировать, что мотив красоты природы во взаимосвязи с мотивом времени суток создает атмосферу волшебства и тайны ночи, ощущение величия окружающего мира.

Кроме того, рассмотренные мотивы имплицитно связаны с мотивом любви: мотив красоты природы актуализируется лишь тогда, когда описываются или действуют главные герои повести – Левко и Ганна. Красота природы передает настроение персонажей, подчеркивает нежность чувств друг к другу, силу и искренность их любви. Отметим своеобразную магию текста: через репрезентативность (вербальную выраженность, эксплицитность) смыслов выводятся имплицитные смыслы, выявить которые позволяет именно лингвостилистический анализ.

Представленные выводы показывают лишь одно из наполнений прагматического смысла мотивов красоты природы и времени суток, поскольку анализу подверглась только речь наблюдателя, хотя в рассматриваемой повести нами выделено три композиционно-речевые формы повествователя: рассказчик, наблюдатель и отстраненное авторское сознание [Салтымакова 2013]. Проанализированные мотивы отсутствуют в речевом плане рассказчика, а в повествовательной форме отстраненного авторского сознания имеют иной характер проявления синтагматики и выполняют другую функцию. Можно утверждать, что каждому речевому плану повествователя свойственен свой комплекс мотивов, которые имеют вполне определенную смысловую нагрузку.

Заключение

Мотив не является исключительно сюжетным элементом текста, экспликация (смысловое развертывание) мотива затрагивает все уровни текстовой структуры. При выявлении содержания мотива затекстовая информация может лишь подтвердить выводы исследователя относительно точности интерпретации смысла мотива.

Подчеркнем значимое для нас положение: следует различать два значения понятия *мотив*, каждое из которых связано с соответствующим аспектом анализа текстовой структуры. В связи с этим предложенное понимание этой

¹² Восхищение. Большой толковый словарь русского языка... С. 153.

текстовой категории корректирует вектор предмета изучения при исследовании конкретных художественных текстов. Вопрос «в чем состоит актуальный художественный смысл употребленного мотива и с какой художественной целью употреблен этот мотив?» [Силантьев 2004: 116] равно-велико может быть отнесен как к мотиву-идеологеме, так и к мотиву как сценарному действию, но ответ будет разным в силу их разной функциональной нагрузки.

Лексическая структура, формируемая рядом микроструктур, является объективной основой постижения смысла текста, поэтому исследование актуализированных лексических парадигм, ключевых лексем, ассоциативно сопряженных слов – основная задача при определении содержания и функции того или иного мотива. Суть лингвистического метода анализа мотива заключается в исследовании собственно языкового материала с учетом композиционных и сюжетных особенностей произведения, т. к. «ни концепт, ни лейтмотив, ни мотив не могут быть рассмотрены в отрыве от языка» [Миллер 2003: 137], поэтому до сих пор актуальной задачей остается совершенствование методов извлечения смысла из художественного пространства.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении композиционных особенностей художественной речи в аспекте представленности мотивных комплексов на разных уровнях текстовой структуры, что требует наблюдения; а также в познании характера взаимосвязи мотивов сюжетного хода и мотивов-идеологем, т. к. все компоненты художественного текста – это реализация отправителя с коммуникативной интенцией.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Ахриева Л. М. Мотив дороги в романе Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара». *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2014. № 6. С. 83–87. [Akhrieva L. M. Motif of roads in Y. Tynianov's novel "Death of Vazir-Mukhtar". *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2014, (6): 83–87. (In Russ.)] EDN: TGLRLF
- Берёзкина Е. П. Мотив жизни-смерти в произведениях В. М. Шукшина. *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2020. № 2. С. 35–40. [Berezkina E. P. Motif of life and death in stories by Vasily Shukshin. *Bulletin of Buryat State University. Philology*, 2020, (2): 35–40. (In Russ.)] EDN: XLXKYD
- Берёзкина Е. П. Мотив смерти в романе О. А. Шапир «Одна из многих». *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 10-4. С. 115–119. [Beryozkina E. P. The motive of death in the novel "One of the many" by O. A. Shapir. *Bulletin of Buryat State University*, 2014, (10-4): 115–119. (In Russ.)] EDN: TEAMDV
- Бревнова С. В. О соотношении понятий «семантическое поле», «художественный концепт», «повествовательный мотив», «текстовая доминанта». *Культурная жизнь Юга России*. 2010. № 1. С. 82–84. [Brevnova S. V. About the correlation of concepts "semantic field", "artistic concept", "narrative motive", "textual dominant". *Cultural Studies of Russian South*, 2010, (1): 82–84. (In Russ.)] EDN: NPSVGL
- Василевич Е. Мотив любви в повести Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом». *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2020. № 42-4. С. 52–55. [Vasilevich E. The motive of love in the story of Pavel Sanaev "Bury me behind the baseboard". *Norwegian Journal of Development of the International Science*, 2020, (42-4): 52–55. (In Russ.)] EDN: XRGQSO
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. СПб.: Пальмира; М.: Книга по Требованию, 2017. 383 с. [Veselovsky A. N. *Historical poetics*. St. Petersburg: Palmira; Moscow: Kniga po Trebovaniuu, 2017, 383. (In Russ.)]
- Волюва Е. В. Концепции мотива в современном литературоведении. *Преподаватель XXI век*. 2008. № 1. С. 89–94. [Volkova E. V. Concepts of motif in modern literary criticism. *Prepodavatel XXI vek*, 2008, (1): 89–94. (In Russ.)] EDN: KXXFZD
- Гармаш Л. В. Теория мотива в литературоведении. *Наукові записки ХНПУ імені Г. С. Сковороди*. 2014. Т. 2. № 1-77. С. 10–23. [Garmash L. V. The theory of motif in literary criticism. *Naukovi zapysky KhNPU imeni H. S. Skovorody*, 2014, 2(1-77): 10–23. (In Russ.)]
- Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука; Вост. лит., 1993. 304 с. [Gasparov B. M. *Literary leitmotifs. Essays on Russian literature of the XX century*. Moscow: Nauka; Vost. lit., 1993, 304. (In Russ.)]

- Дубовицкая М. А. Триада «концепт – образ – мотив» в арабо-американской литературе. *Филологические науки в МГИМО*. 2021. Т. 7. № 3. С. 53–64. [Dubovitskaya M. A. The "concept – image – motive" triad in Arab-American fiction literature. *Philology at MGIMO*, 2021, 7(3): 53–64. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-3-27-53-64>
- Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст: на материале русской прозы XIX–XX вв. 3-е изд., испр. М.: КомКнига, 2006. 296 с. [Dumarsky M. Ya. *Text formation and fiction: Russian prose in XIX–XX centuries*. 3rd ed. Moscow: KomKniga, 2006, 296. (In Russ.)] EDN: VIHJVD
- Исаев Г. Г. Мотив смерти в лирике Рюрика Ивнева 1930–1980-х годов. *Современные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков: V Междунар. науч. конф.* (Астрахань, 27 апреля 2018 г.) Астрахань, 2018. С. 81–87. [Isaev G. G. The motif of death in the lyrics by Rurik Ivnev in the 1930s–1980s. *Modern Issues of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages: V Intern. Sci. Conf.*, Astrakhan, 27 Apr 2018. Astrakhan, 2018, 81–87. (In Russ.)] EDN: OURJLD
- Калашникова А. Л., Юнг Д. А. Особенности художественного пространства в цикле И. А. Бунина «темные аллеи». *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*. 2021. № 4. С. 32–35. [Kalashnikova A. L., Yung D. A. Features of the artistic space in I. A. Bunin's cycle "Dark alleys". *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2021, (4): 32–35. (In Russ.)] EDN: YLRJJD
- Коптева Г. Г. О мотивной структуре поэмы Василия Федорова «Далекая». *Новый взгляд. Междунар. науч. вестник*. 2015. № 10. С. 148–156. [Kopteva G. G. The motif structure of Vasily Fedorov's poem Far. *Novyi vzglyad. Mezhdunar.nauch. vestnik*, 2015, (10): 148–156. (In Russ.)] EDN: VCWADB
- Миллер Л. В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2003, 156 с. [Miller L. V. *Artistic picture of the world and the world of fiction*. St. Petersburg: Faculty of Philology of SPbSU, 2003, 156. (In Russ.)]
- Мишина Г. В., Даниловская Н. Б. Мотив смерти в творчестве В. В. Маяковского. *Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: XVI Междунар. науч.-практ. конф.* (Стерлитамак, 18–19 ноября 2021 г.) Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2021. С. 133–138. [Mishina G. V., Danilovskaya N. B. The motive of death in the work of V. V. Mayakovsky. *Modern paradigms of linguistic research: methods and approaches: XVI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Sterlitamak, 18–19 Nov 2021. Sterlitamak: Sterlitamak Branch of Bashkir State University, 2021, 133–138. (In Russ.)] EDN: NFDWWK
- Никашина Н. В. Приемы объективации повествования в рассказе А. П. Чехова «Попрыгунья». *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2008. № 3. С. 23–27. [Nikashina N. V. Narrative objectification techniques in Chekhov's short story "The Grasshopper". *Russian Journal of Linguistics*, 2008, (3): 23–27. (In Russ.)] EDN: JKGZIB
- Половнева М. В. Мотивы любви и долга в Тургеневской повести 1850-х годов. *Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 33. № 7. С. 26–32. [Polovneva M. V. Motives of love and debt in structure of the Turgenyev story of the 1850th years. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2017, 33(7): 26–32. (In Russ.)] EDN: YITHMJ
- Реформатский А. А. Опыт анализа новелистической композиции. *Семиотика: антология*, сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 486–495. [Reformatsky A. A. Experience in the analysis of novelistic composition. *Semiotics: an anthology*, comp. Stepanov Yu. S. 2nd ed. Moscow: Akad. Proekt; Ekaterinburg: Delovaia kniga, 2001, 486–495. (In Russ.)] EDN: TULAQN
- Русанова О. Н. Мотив в аспекте исторической поэтики. *Вестник Томск. гос. пед. ун-та*. 2006. № 8. С. 120–126. [Rusanova O. N. Motive in the aspect of historical poetics. *Vestnik Tomsk. gos. ped. un-ta*, 2006, (8): 120–126. (In Russ.)] EDN: JUVFMR
- Салтымакова О. А. Композиционно-речевые типы повествователя в повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 6-1. С. 186–191. [Saltymakova O. A. Compositional-speech types of narrator in story "May Night, or the Drowned Maiden" by N. V. Gogol. *Philology. Theory & Practice*, 2013, (6-1): 186–191. (In Russ.)] EDN: QBQZUV
- Силантьев И. В. Поэтика мотива. М.: ЯСК, 2004. 294 с. [Silantev I. V. *Poetics of motif*. Moscow: IaSK, 2004, 294. (In Russ.)] EDN: QQUXIV
- Субботина М. В. Словесная репрезентация мотива любви и его модификации в лирике М. Ю. Лермонтова и Д. В. Веневитинова. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*. 2015. № 4. С. 108–111. [Subbotina M. V. Verbal representation of the love motif and its modifications in M. Y. Lermontov's and D. V. Venevitinov's lyrics. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 2015, (4): 108–111. (In Russ.)] EDN: VIOEYD
- Фролова О. Е. Мотив смерти в повести А. Платонова «Котлован». *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология*. 2017. № 3. С. 42–56. [Frolova O. E. The motive of death in A. Platonov's story "The Pit". *Moscow University Philology Bulletin*, 2017, (3): 42–56. (In Russ.)] EDN: NRJCBH
- Ходанен Л. А., Озерова А. В. Мотив дороги в лирике А. С. Пушкина 1820–1830-х годов. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2008. № 2. С. 202–205. [Khodanen L. A., Ozerova A. V. The motif of the road in A. S. Pushkin's lyrics, 1820s–1830s. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, (2): 202–205. (In Russ.)] EDN: LTXNWW